

УДК 413.13+8—32

В. М. Калинин

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ Ю. А. КАРПЕНКО. II. ВОСХОЖДЕНИЕ (1981—1986 гг.)

Вторая статья посвящена разработке Ю. А. Карпенко ключевой проблемы литературной ономастики — выявлению специфических свойств онимии художественных произведений. Показана непреходящая значимость для дальнейшего развития поэтонимологии попытки ученого обобщить интуитивно ощущаемые многими учёными, но не нашедшие теоретического обоснования особенности собственных имен, функционирующих в литературно-художественных текстах.

Ключевые слова: *литературная ономастика, нарицательное имя, речь, собственное имя, язык.*

За рассмотренный в статье период Ю. А. Карпенко опубликовал 50 научных работ из которых 24 так или иначе связаны с ономастическими исследованиями, а 9 — непосредственно с литературной ономастикой. Поскольку основное внимание будет уделено вкладу учёного в развитие теоретической и литературной ономастики, круг обсуждаемых работ будет ещё уже. Однако не сказать о том, что в это же время Ю. А. Карпенко написал целый ряд газетных заметок, из которых 12 посвящены ономастике, а одна — литературной ономастике, нельзя. Кроме того, одиннадцать аспирантов Юрия Александровича (уникальная продуктивность) защитили за эти годы свои диссертации. Трое из них трудились над исследованиями онимии художественной литературы.

В это время Ю. А. Карпенко всё более пристальное внимание уделяет проблеме, которую условно можно определить словом «специфика». По сути же, это опыт 1) описания тех свойств собственного имени, которые выделяют его из лексического массива «имя» (Специфика ономастики, 1984) [18], 2) различий, касающихся свойств онимии, по-разному проявляющихся в языке и речи (Специфика имени собственного в языке и речи, 1981) [14] и, наконец, 3) особенностей онимов, обнаруживающихся при сопоставлении общенародной и литературно-художественной «продукции» (Специфика имени собственного в общенародном языке и художественной литературе, 1984)

[17]. Тогда же, помимо теоретических размышлений, Ю. А. Карпенко изучал поэтику собственных имен в пушкинской прозе (Пушкинский ономастикон. «Повести Белкина», 1981) [15], в первом сборнике лирики А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» (Имя Прекрасной Дамы, 1983) [16] и в повести В. П. Катаева «Алмазный мой венец» (1984) [19].

1981 год ознаменован в творчестве Ю. А. Карпенко двумя знаковыми событиями. Во-первых, выходом в свет первой в СССР «космономастической» монографии «Названия звёздного неба», а во-вторых, «документальным подтверждением» возвращения Юрия Александровича к проблематике, связанной с литературной ономастикой. В книге «Русское языкознание» публикуется статья «Пушкинский ономастикон. «Повести Белкина»» [15], а в Кракове — текст доклада «Специфика имени собственного в языке и речи» [14].

В предисловии к собранию всех своих статей, касающихся литературной ономастики, Ю. А. Карпенко писал: «У житті я багато чим займався, але найбільше — мовознавством. А в мовознавстві найбільше — ономастикою. У межах цієї останньої чи не найбільше — літературною ономастикою». Там же учёный отметил (и это в 2008 году (!), всего 4 года назад): «<...> літературна ономастика — дуже важка дисципліна. Майже все, написане про неї, належить до «перших шкідливих» (разрядка моя. — В. К.), за якими рано чи пізно прийде глибше пізнання» [23, с.3].

Свой путь в литературной ономастике Ю. А. Карпенко выбрал изначально, а к 1981 году определил и свой способ погружения в таинственные глубины семантики и поэтики собственных имен, функционирующих в художественных произведениях. Это очевидный факт. Но меня всегда интересовал вопрос, насколько далёк был Юрий Александрович от проблем литературной ономастики в период «молчания», т. е. с 1964 по 1981 г.? Интересовал, прежде всего, потому, что одновременно с ним в литературную ономастику пришла и все эти годы занималась литературной антропонимией и проблемой лексикографирования собственных имен, функционирующих в художественной литературе, его жена, Муза Викторовна Карпенко. Её перу принадлежит ряд весьма значимых работ. В 1964, 1965 и 1966 годах на конференциях в Черновицком университете М. В. Карпенко выступала с докладами по проблемам словообразования литературной антропонимии, в том числе, на материале произведений И. Иль-

фа и Е. Петрова [4], а также об антропонимии как средстве создания комического в художественной литературе [5]. Позднее, вместе с Л. П. Стычишиной, приступила к исследованию проблем лексикографии собственных имён [12, 13]. Работ Юрия Александровича я в конце 70-х не знал, а вот с конспектом лекций спецкурса «Русская антропонимика» М. В. Карпенко не расставался несколько лет. Тогда (в начале занятий литературной ономастикой) более вразумительной книги для меня не было.

Почти сразу после нашего знакомства Юрий Александрович посоветовал мне прочитать автореферат диссертации Э. Б. Магазаника, положившего начало исследованию роли подтекста в поэтике собственных имён [25] и внимательнейшим образом изучить принадлежащую его перу первую в СССР литературно-ономастическую монографию [26]. Даже зная, что я монографию уже прочитал, он и позже настойчиво рекомендовал её снова и снова. Следовательно, он её не только высоко ценил, но и пропагандировал.

Но вот почему влюблённый в литературно-ономастические исследования учёный так долго (1964–1975 гг.) не публиковал своих работ в этой сфере? Ведь и 1975 г. со статьями о заголовках литературных произведений это всё-таки не 1981, когда в полную силу зазвучал новый голос ведущего исследователя литературной ономастики. Хотя, быть может, именно заинтересовавшись заголовками литературных произведений как особой категорией собственных имён, Ю. А. Карпенко начал осмыслять «имена меньшие единицы».

Внимательно изучив библиографические указатели, я понял: да куда Юрий Александрович из литературной ономастики не уходил, а «молчание» было на удивление плодотворным. Если официальный срок обучения в аспирантуре равен трем годам, то выполненная под руководством Ю. А. Карпенко и защищенная в 1973 году диссертация Р. У. Таич «Имена собственные в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина (на материале «Господ Головлёвых», «Истории одного города» и «Сказок») начиналась как минимум в 1970, а то и раньше. Диссертация К. Б. Зайцевой «Английская антропонимия и её стилистическое использование», защищенная в 1979 году начиналась не позднее 1976 года. Да и о работах жены и своей аспирантки Л. П. Стычишиной Юрий Александрович знал и, конечно, не был равнодушным созерцателем. А ещё была диссертация Н. И. Зубова «Древнерусская

теонимия (Проблемы собственного и нарицательного)», защищённая в 1982 году. Оглянувшись назад, можно почувствовать «дыхание» 1979 года, когда, возможно, у Ю. А. Карпенко именно в процессе общения с Н. И. Зубовым оттачивались формулировки положений, озвученных им на 13 Международном конгрессе ономастических наук в Польше. Именно в это время созревали те идеи, которые впоследствии оказали столь плодотворное влияние на развитие литературной ономастики.

Прозвучавший на XIII Международном конгрессе ономастических наук доклад Ю. А. Карпенко «Специфика имени собственного в языке и речи», совершивший, как я писал в первой статье цикла, революцию в литературной ономастике¹, вряд ли вызвал среди участников конгресса восторг, аналогичный моему. Это предположение базируется на трезвом анализе уровня развития и, что не менее важно, степени авторитетности, на которых пребывала в то время маргинальная отрасль ономастики, исследующая, преимущественно с функциональных позиций, собственные имена, используемые в речевой практике и творчестве писателей для достижения художественных целей.

Чтобы яснее представить читателю ситуацию, кратко остановлюсь на характеристике состояния литературно-ономастических исследований в СССР к началу 80-х годов прошлого века. Сегодня, после кропотливых библиографических разысканий С. И. Зинина, А. Г. Степановой [2] и Г. Ф. Ковалева [24], это большого труда не представляет. В нашей сводной библиографии, включающей и названные выше указатели², отмечено немногим более 500, в том чис-

¹ Думаю, что здесь уместно будет повторить известную фразу «Есть у революции начало, нет у революции конца». Мысли учёного, изложенные в докладе, окончательное так и не оформившиеся, применительно к ономастике литературных произведений получили развитие в публикации 1986 года, о которой речь впереди.

² В сводной библиографии литературной ономастики, собираемой донецкими исследователями, предпринимается попытка объединить всю информацию из уже опубликованных источников и не вошедшую в них (составители, как правило, ограничивают свои поиски то хронологически, то по национальному признаку, то как-нибудь иначе). Понимая глобальность поставленной задачи, о сложности, но и актуальности которой предупреждал меня Ю. А. Карпенко много лет назад, мы, тем не менее, стремимся в наших поисках отразить эволюцию интереса к поэтике онимов во всей возможной полноте. В ближайшее время будут опубликованы инструктивные материалы и образцы обработки первоисточников для всех, кто пожелает присоединиться к осуществлению нашего проекта. Построены они на библиографических материалах литературно-ономастического творчества Ю. А. Карпенко.

ле зарубежных, публикаций (все до 1982 г.), имевших отношение к литературной ономастике. Большинство работ, опубликованных от начала прошлого века до середины шестидесятых годов, посвящены либо поискам прототипов литературных персонажей, либо этимологии собственных имен, использованных писателями. Да и потом исключительно редкими были попытки осмысления функциональных свойств онимов. Многие годы для значительного числа работ был характерен подход, при котором к исследованию процессов и явлений, свойственных онимии того или иного языка, привлекались данные, почерпнутые из художественных произведений, что превращало литературный текст в источник ничем не отличающийся от документов, заполняемых отделениями ЗАГС, и т. д. И лишь немногие авторы рассматривали «обратную сторону медали», литературно-художественные свойства имён. Часто это были всего лишь отдельные замечания литературных критиков или литературоведов.

Ко времени, когда В. Н. Михайловым была защищена первая в истории советского языкознания диссертация по литературной ономастике [27], количество публикаций по проблеме не превышало полусотни. Опубликованные по большей части в труднодоступных изданиях, они лишь обозначили зарождение интереса к функционирующим в художественных произведениях собственным именам. Были, правда, среди них весьма достойные. Скажу лишь об одной, опубликованной в Болгарии в 1933 году, статье А. Бема «Собственные имена в произведениях Ф. М. Достоевского».

Литературный критик, историк литературы и общественный деятель русского зарубежья А. Л. Бем стал автором первой крупной публикации, касающейся поэтики собственных имён. В диссертации В. Н. Михайлов отметил «смелую по постановке проблем в области поэтики собственных имен» статью А. Бема «Личные имена у Достоевского», в которой высказан ряд «общих методологических, принципиальных положений о специфике функционирования собственных имен в контексте художественного произведения», в которой приведены «параллели из ряда произведений русской художественной литературы XVIII и XIX вв.» [27, с. 13]. А. Бем п е р в ы м высказал мысль о необходимости выявить специфику поэтики собственных имен в художественной литературе, однако, как принято говорить, ограничился лишь постановкой вопроса. Показав, что писатель в

выборе собственного имени не может быть свободным от языковой структуры и исторически сложившейся семантики имён, он отметил, что «самое элементарное требование поэтики имени заключается в согласовании всей системы наименований с общим художественным строем произведения» [27, с. 13]. Кроме того, он подчеркнул значение национальной специфики собственных имен и, наконец, сделал попытку в общей форме очертить тенденцию в историческом развитии принципов создания и использования собственных имен персонажей в русской литературе. Замечу, что статья эта в силу своей труднодоступности и незаинтересованности литературной ономастикой, характерной до сих пор для болгарских учёных, отнюдь не стала бестселлером в мире ономастических наук и мало кому была известна в нашей стране.

Нужно признать, что в значительной части работ, опубликованных между 1956 и 1981 годами и посвященных собственным именам в художественном произведении, тем или иным способом затрагивалась, точнее, констатировалась практически без каких-либо разъяснений проблема их специфики. Некоторые исследовали даже пытались определить, в чём, собственно говоря, эта специфика состоит. Так, А. В. Суперанская в онимах художественных произведений усмотрела две специфические черты: «а) денотаты их конструируются на основе опыта художника, писателя, музыканта, но не обязательно существуют в действительности, б) они создаются по моделям имен реальных или нереальных предметов с учетом принадлежности их к определенному ономастическому полю» [28, с.148]. Попутно замечу, что предложенная А. В. Суперанской формулировка пункта «а» была справедлива лишь в определённой мере. Ниже мы обратимся к обсуждению этой формулировки, но уже в связи с публикациями Ю. А. Карпенко. Переключка же взглядов А. В. Суперанской с высказанными А. Бемом мыслями здесь очевидна. Никаких других соображений, касающихся отличий имён в литературных произведениях от онимов, функционирующих в быту, ко времени появления публикаций Ю. А. Карпенко в ономастике не обсуждалось.

Именно на этом фоне сформулированные Ю. А. Карпенко характеристики собственных имен в языке и речи представляются новаторскими, отражающими не только речевую, но литературно-художественную специфику онимии. Указав, что собственные имена,

входящие в состав языка и употребляющиеся в речи, не имеют строго установленного статуса, Ю. А. Карпенко затронул вопрос о том «какие собственные имена реально существуют в языке и какие — нет» [14, с.221]. На ряде примеров он показал, что в составе языка — «сумма всех реально существующих собственных названий, употребляемых носителями данного языка», а речь, «помимо необъятного комплекта языковых собственных имён, содержит также заметную и быстро меняющуюся группу неустановившихся названий, в частности переименований и индивидуальных новообразований, которые остаются за пределами языка» [14, с.224].

Однако не выявление различий между именами в языке и речи составило, если так можно сказать, пафос работы. Следующим шагом стало сопоставление собственных имён в языке и речи по семантическому критерию. Здесь Ю. А. Карпенко отметил «бедность» языкового и безграничную широту речевого значений. В форме имён подчёркивалась широкая речевая и узкая, даже бедная, языковая вариативность.

А теперь, в н и м а н и е ! В разнице между собственными и нарицательными именами устанавливалось «основополагающее, фундаментальное» различие — м а с ш т а б : «В собственных именах он равен единице — собственное имя всегда обозначает один, отдельный, единичный предмет. В нарицательных же названиях он всегда больше единицы» [14, с.227]. Из этого различия, по мнению ученого, вытекают другие различительные признаки, а именно: специфика воплощения собственных имён в единицах мышления, их семантическая специфика, интернациональный характер собственных имен, относительная лёгкость разрыва обозначающего и обозначаемого в собственном имени, наконец, грамматическая специфика собственных имён.

Отвлекаясь от сути излагаемого здесь материала, замечу, что для стиля мышления Ю. А. Карпенко и, соответственно, для стиля его публикаций характерна метафоричность, проявляющаяся часто неожиданно, но всегда своевременно. Так, возвратившись к вопросу о размежевании собственных и нарицательных имён, Юрий Александрович повторил мысль об их главном, исходном различительном признаке — единичности / множественности называемых объектов — и заметил: «Язык содержит названия одного предмета — собственные

имена — и названия больше чем одного предмета — нарицательные имена. И всё. А в речи сплошь и рядом выступают названия меньше чем одного предмета — названия одной частички, одного признака одного конкретного предмета. <...> Собственное имя можно уподобить заглавию поэмы, которая содержит очень много строк. И вот язык ограничивается только заглавиями, а речь часто оперирует отдельными строками этих поэм, заключённых в собственных именах» [14, с.232].

Сославшись на публикацию Н. Д. Арутюновой [глава «Номинация и текст» в коллективной монографии «Языковая номинация» (М., 1977)], Юрий Александрович смысл использованного ею понятия «гетерономинативность» (возможность множественности наименований одного объекта) определяет как «речевое обращение к масштабам, меньшим, чем единица, это и есть цитация признаков-строчек из поэм-собственных имён». И тут же следует великолепная иллюстрация: «Пушкинское «То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник» (о Петре I) или «Полу-милорд, полу-купец, полу-мудрец, полу-невежда» (о М. С. Воронцове) суть не просто разные номинации конкретного лица, а перечень каких-то признаков, свойств этого лица. Это именно строки того воображаемого текста, заглавием которого является собственное имя» [14, с.232].

Значимость этой работы для развития поэтонимологии такова, что переоценить её просто невозможно. Именно благодаря ей получает достаточно прочный теоретический фундамент весь круг проблем, связанных с функционально обусловленными заменами собственных имён — перифразами, дескрипциями, онимными заменами и т. д. Здесь же сокрыт зародыш публикации 1986 года, о которой я много раз писал и ограничусь поэтому лишь кратким изложением её сути.

В работе, завершающей рассматриваемый период поэтонимологического, условно говоря¹, творчества Ю. А. Карпенко впервые целостно представлены специфические свойства литературно-ху-

¹ Условность определения этого этапа творчества Ю. А. Карпенко как «поэтонимологического» очевидна: в то время термин *поэтонимология* не существовал, да и сам Юрий Александрович никогда им не пользовался. Но столь же очевидно, по крайней мере для автора этой статьи, и целесообразность приложения понятия «поэтонимологическое творчество» именно к этому периоду теоретических исканий, поскольку именно из них, в конечном итоге, начала «произрастать» поэтонимология.

дожественной онимии. Ни одно из последующих дополнений и прибавлений, сделанных другими учёными, не отвергало основополагающих принципов, заложенных работой Ю. А. Карпенко. Он выделяет пять признаков литературной онимии, отличающих ее от общенародной. Прежде всего, отмечается вторичность поэтической онимии, под которой понимается свобода воплощения авторского отношения к представлению места, времени и среды с помощью соответствующего онимного ассортимента. Однако это только видимость свободы, поскольку даже в фантастических произведениях автор все равно опирается на действующие ономастические системы и нормы. Вторым называется фундаментальное отличие детерминированности реальной онимии от причинной обусловленности онимии поэтической. Первая в рамках данного языкового коллектива складывалась веками и строго детерминирована историческими и языковыми факторами, поэтическая же онимия относительно свободна и во многом зависит от воли автора. В то же время каждое собственное имя художественного произведения прочно связано не только со свойствами изображаемого (и названного именем) предмета, но и с задачами произведения в целом. «Разнообразные связи литературного собственного имени <...> со всей <...> образной системой произведения, связи с художественным замыслом, со всем художественным целым, связи с жанром, с художественной школой и стилем <...> детерминируют <...> литературную ономастику, существенно сужая ее субъективное начало» [22, с.11]. Важнейшим следствием двух названных особенностей является «функциональная перестройка» поэтической онимии. Если основная функция реальных ономастических единиц — дифференцирующая, то в поэтике она на первое место выдвигается стилистическая, которая, по мнению Ю. А. Карпенко, [22, с. 14–15] проявляется двойко: к человеческому *ratio* апеллирует информационно-стилистическая, а к *emotio* — эмоционально-стилистическая разновидность. Следующей отличительной чертой поэтической онимии названа ее принадлежность к речи, в отличие от общенародной онимии, которая принадлежит языку. Именно этим обстоятельством объясняются многие свойства поэтонимии, в том числе и особенности функционирования реальной онимии в художественном произведении. Последней отличительной чертой поэтической ономастики Ю. А. Карпенко называет наличие в

художественном произведении совершенно особого типа собственных имен — заглавия.

В положениях, сформулированных Ю. А. Карпенко в этой работе, в неявном виде присутствует вышеуказанный «пункт а» из определённых А. В. Суперанской специфических черт литературной онимии¹. У меня нет оснований для критики Александры Васильевны или Юрия Александровича по поводу «справедливости (её и его формулировок) лишь в определённой мере». В то время даже в литературоведении или теории литературы не существовало работ, постулирующих свойства художественного мира. Это указание необходимо лишь для замечания, что мысли этих учёных послужили отправной точкой для моих собственных размышлений, приведших в конечном итоге к формулировке, ставшей стартовой площадкой для построения теории поэтонимологии: «В литературно-художественном произведении референты всех без исключения собственных имён виртуальны, т. е. существуют лишь в творящем сознании автора». Художественное произведение — суть вторичная семиотическая моделирующая система. Читатель воспринимает художественную реальность. Видит ли, чувствует ли он разницу между художественным и реальным мирами² — другой (исключительно сложный и практически не изученный) вопрос. Однако для того, чтобы эти мысли могли возникнуть в сознании последователей, Ю. А. Карпенко должен был осуществить своё восхождение. Здесь, на «высокогорном плато» литературной ономастики он до конца жизни совершал свои исследовательские открытия, открывал миру достижения украинских писателей и поэтов в области применения онимных средств, совершенствовал теорию литературной ономастики. Но это уже материал для других публикаций.

Список литературы

1. Бем А. Личные имена у Достоевского // Сборник в честь на проф. Л. Милетич за седемдесетгодишната отъ роженето му. — София. 1933. — С. 409–434.

¹ См. с. 10 настоящей статьи

² Невольно вспоминаются слова А. С. Пушкина, сказанные по другому поводу, но подходящие к данному случаю: «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!» Читатель не просто хочет, он жаждет быть обманутым. Он в е р и т автору.

2. Зинин С. И., Степанова А. Г. Имена персонажей в художественной литературе и фольклоре. Библиография // Антропонимика. М., 1970, С. 330–354. См. также интернет ресурс: <http://planeta-imen.narod.ru/litonomastika/main.html>
3. Карпенко М. В. Словообразование личных имен в языке произведений И. Ильфа и Е. Петрова // Тези доповідей XX наукової сесії. Чернівецький університет. — Черновцы, 1964. — С. 105–107.
4. Карпенко М. В. Особенности словообразования литературных антропонимов // Тези доповідей XXI наукової сесії. Чернівецький університет. — Черновцы, 1965. — С. 209–211.
5. Карпенко М. В. Антропонимия как средство создания комического в художественном произведении // Тези доповідей XXII наукової сесії. Чернівецький університет. — Черновцы, 1966. — С. 68–69.
6. Карпенко М. В. Виды литературных антропонимов // Тези доповідей XXII наукової сесії. Чернівецький університет. — Черновцы, 1966. — С. 66–67.
7. Карпенко М. В. О материалах к антропонимическому словарю писателя // IV Республіканська ономастична конференція. Тези. — Киев, 1969. — С. 154–157.
8. Карпенко М. В. Семантическая группировка литературных антропонимов // Актуальные проблемы лексикологии. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. (17–20 июня 1970 г.). — Минск, 1970. — С. 88.
9. Карпенко М. В. Русская антропонимика. Конспект лекций спецкурса. — Одесса, 1970. — 43 с.
10. Карпенко М. В. Ономастика в художественной литературе // Ономастика. Проблемы и методы (Материалы у XIII Международному ономастическому конгрессу). — М., 1976. — С. 169–188.
11. Карпенко М. В. Состав антропонимического словаря писателя // Питание сучасної ономастики. — Киев, 1976. — С. 190–195.
12. Карпенко М. В., Стычишина Л. П. Структура словарной статьи в антропонимическом словаре А. П. Чехова // IV Республіканська ономастична конференція. Тези. — Киев, 1969. — С. 160–162.
13. Карпенко М. В., Стычишина Л. П. Структура словарной статьи в антропонимическом словаре А. П. Чехова // Питання сучасної ономастики. — Киев, 1976. — С. 195–199.
14. Карпенко Ю. А. Специфика имени собственного в языке и речи / Ю. А. Карпенко // Proceedings of the 13-th International Congress of Onomastic Sciences. — Warszawa; Kraków, 1981. — V. I. — P. 79–89. (То же в: Юрій Карпенко. Літературна ономастика. Збірник статей. — Одеса: Астропринт, 2008. — С. 221–236).

15. Карпенко Ю. А. Пушкинский ономастикон. «Повести Белкина» / Ю. А. Карпенко // Русское языкознание. — Киев, 1981. — Вып.2. — С. 80–86. (То же в: Юрий Карпенко. Літературна ономастика. Збірник статей. — Одеса: Астропринт, 2008. — С. 236–244).
16. Карпенко Ю. А. Имя Прекрасной Дамы. — В кн.: «Русское языкознание». — Киев: «Вища школа», 1983, вып. 7, с. 87–95.
17. Карпенко Ю. А. Специфика имени собственного в общенародном языке и художественной литературе. — В кн.: XV Internationaler Kongress für Namenforschung. Resümees der Vorträge und Mitteilungen. — Leipzig, 1984, s.88
18. Карпенко Ю. А. Специфика ономастики. — В кн.: Русская ономастика. Сборник научных трудов. Отв. редактор Ю. А. Карпенко. — Одесса, 1984, с. 3–16.
19. Карпенко Ю. А. Ономастические загадки В. П. Катаева. — Русская речь, 1984, № 4, с. 9–14.
20. Карпенко Ю. А. Имя собственное в художественной литературе. — Филологические науки, 1986, № 4, с. 34–40. + тезисы (Кировоград 1984)
21. Карпенко Ю. А., Хрептулов А. Ономастическая насыщенность художественного текста. — В кн.: Исследования целого текста: Тезисы докладов и сообщений совещания. — М.: Наука, 1986, с. 63.
22. Карпенко Ю. А. Специфика имени собственного в художественной литературе. — *Onomastica*, 1986, t.31, s.5–22.
23. Карпенко Ю. О. Літературна ономастика: Збірник статей. — Одеса: Астропринт, 2008. — 328 с.
24. Ковалев Г. Ф. Библиография отечественной литературной ономастики // Ковалев Г. Ф. Ономастические этюды: писатель и имя. Монография. — Воронеж, 2001. — С. 157–208.
25. Магазаник Э. Б. Поэтика имен собственных в русской классической литературе. Имя и подтекст. АКД. — Самарканд, 1967. — 24 с.
26. Магазаник Э. Б. Ономапоэтика или «говорящие имена» в литературе. — Ташкент, 1978. — 146 с.
27. Михайлов В. Н. Собственные имена персонажей русской художественной литературы XVIII и первой половины XIX вв., их функции и словообразование Диссертация (АКД. — М., 1956. — 20 с.)
28. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М.: Наука, 1973. — 367 с.

Калінкін В. М.

З ТОЧКИ ЗОРУ Ю. О. КАРПЕНКА. II. СХОДЖЕННЯ (1981–1986 рр.)

Розглянуто шлях Ю. О. Карпенка до розробки ключової проблеми літературної ономастики — виявлення специфічних якостей онімії художніх творів. Показано неминаючу значимість для подальшого розвитку поетонімології спроби вченого узагальнити інтуїтивно відчувану багатьма вченими, але не отримавшу теоретичного обґрунтування особливість власних імен, які функціонують у літературно-художніх текстах.

Ключові слова: власне ім'я, загальне ім'я, літературна ономастика, мовлення, мова.

Kalinkin V. M.

FROM YU. A. KARPENKO'S POINT OF VIEW. II. THE ASCENSION (1981–1986)

The article is devoted to Yu. A. Karpenko's working out of a key problem of literary onomastics — revealing of specific features of proper names in fiction. The importance of the scientist's attempts to summarize the characteristics of proper names, functioning in literary texts, is shown in the article. These features were intuitively felt by many scientists, but this fact has not found a theoretical substantiation.

Key words: literary onomastics, common name, speech, proper name, language.